

Чурило и неверная жена (2)

Ай выпадала пороха снегу белого,
И не во пору порошиця, не вовремя,
Ай да среди лета — о Петрова дни.
А по той порохе снегу белой
А не белинькой-то заюшко проскакивал,
А не сер горносталь ту' пропрядывал
Ко тому е ко двору ко Пермятину —
Да проскакивал тут да ко круту крыльчу,
Он заскакивал ле тут да на круто крыльчо,
Он стучит-де ка', громит да в золото кольчо.
Ай услыхала Пермятина молода жона,
Во той ле ка' она да во теплой лёжни,
Ай выходила-де она да ' занню горничу,
Да из занней-то горничу в новы сени,
Приходила ко дверям нонь ко широкиим,
Отворила она ворота, двери на пету,
А брала она Чурило за белы руки,
Человала его в уста ищэ сахарныя,
Да вела она Чурило по новым сеням,
Из новых-то сеней да в занню горничу,
Да из занней-то горничу в теплу лёжню.
Ай кабы зажил тут Чурило по-домашному:
Он рукавоцьки-перстяноцьки кладёт ище,
Он кладёт их ище да он на грядоцьку,
Он пухов ле колпак весит на спичку же,
Он зелён кафтан вешат на грядоцьку,
Ай сапожки кладёт ноньце под лавоцьку,
Сам ложилса нонь Чурило на кроватоцьку.
Услыхала у Пермьаты нонь служаноцька,
Кабы та-де нонь девушка-чернавушка,
Говорит ноньце девушка-чернавушка:
«Я пойду ле Пермьаты сыну Иванову,
Как ушел нонь Пермьата да во божью церковь».
Говорит тут Чурило блады Пленкович:
«Ож ты ой есь, ты девушка-чернавушка!

Ты не сказывай Пермьты сыну Иванову,
Я куплю тебе платоцик на головушку,
Заплачу я за платоцик и нонь пети рублей».
Уж на то ноньце девка не сдавайтце:
«Эй, я скажу-де Пермьты сыну Иванову».
Говорит на то Чурило млады Пленкович:
«Ёж ты ой еси, девушка-чернавушка!
Ты не сказывай Пермьты сыну Иванову,
Я куплю тебе в косу да ноньце лентоцьку,
Заплачу ноньце за лентоцьку десети рублей».
Как на то ноньце девка не сдавайтце:
«Я пойду-де бы нонь да во божью церков,
Я скажу-де Пермьты сыну Иванову».
Говорит на то Чурило млады Пленкович:
«Ёж ты ой еси, девушка-чернавушка!
Ты не сказывай Пермьты сыну Иванову,
Я куплю тебе ноньце шубеецьку,
Заплачу я за шубейку двадцет пять рублей».
Уж на то ище девка не сдавайтце.
Побежала она ка', девушка, надёрнулась,
Прибежала она скоро в божью церкву,
Там как служат нонь обедню воскресеньскую.
Подходила к Пермьты сыну Иванову,
Говорит тут девушка-чернавушка:
«Уж ты ой еси, Пермьта да сын Иванович!
Заскочил-де конь в твои да в зелены сады,
Ён как вытоптал твои все зелены сады».
Ож на то был Пермьта да был догадливой,
Он как скоро пошёл нонь из божьей церкви,
Он как скоро бы идёт да к широку двору,
Он да скоро заходит да на круто крыльцо,
Он и скоро идёт да по новым сеням,
Из новых-то ле сеней да в занню горницу,
Как из занней-то он горничи во теплу лёжню,
Как увидел он Чурила млады Пленковича,
Как живёт тут у него Чурило по-домашному.
Говорит тут Пермьта да сын Иванович:
«Кабы прежде тебе да было сказано,
Уж досель тебе было ище наказано:

Не ходи ты в мои да в зелены сады,
Не топчи ты мою да шёлкову траву».
Говорит на то Чурило да блады Пленкович:
«Уж я эки-ти ли речи не слыхал у тя».
Ой как тут ле Пермята да сын Иванович
Он схватил ноньце Чурила за черны кудри,
Он тацил его бы скоро да вон на улицу,
Он вытаскивал бы скоро на круто крыльцо,
Да бросал он Чурила со крута крыльця —
Уж как тут ноньце Чуриле смерть случилосе.
Ён заходит, Пермята, да во теплу лежню,
Говорит его ле нонь да молода жона:
«Не зайдёт боле другижды красно солнышко».
Ён схватал ей, Пермята, да за черны кудри,
Он вытаскивал ей скоро вон на улицу,
Как спускалса бы он да со крута крыльця,
На одну ногу ступил ей, другу оторвал,
Кабы бросил он ей да во чисто полё,
Там черным-де воронам да на воскурканьё,
Он серым-де ка' волкам да на ростарзаньё,
Уж как синему ле морю на утишеньё,
Кабы нам всем, молодцам, на послыханьё,
Кабы старым ле старухам на долгой век.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.